

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.4.3

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622

ЛЮДСКИЕ РЕСУРСЫ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД ¹

Алексей Юрьевич Безугольный

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского института военной истории,
Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации
besu111@yandex.ru
просп. Университетский, 14, 119330 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется состояние мобилизационных людских ресурсов Северо-Кавказского военного округа накануне Великой Отечественной войны. На примере наиболее полного и массового призыва 1939 г. рассмотрены социально-демографические, национальные, культурно-языковые характеристики призывной молодежи Северо-Кавказского региона, а также Ростовской, Сталинградской (Волгоградской) областей и Калмыцкой АССР, входивших в состав СКВО. Показаны особенности допризывной подготовки (обучение неграмотных и малограмотных, лечение нуждающихся, основы военной подготовки и т. д.). Особое внимание уделено особенностям и проблемам развертывания призыва среди многочисленных представителей северокавказских народов, которые ранее не призывались на общих основаниях.

Ключевые слова: РККА, военный призыв, Северо-Кавказский военный округ, допризывная подготовка, народы Северного Кавказа.

В 1930-е гг. в военном строительстве советского государства произошли кардинальные перемены, вызванные тектоническими сдвигами во внутренней и внешней политике правительства. В условиях ухудшения международной обстановки и реальной угрозы возникновения новой большой войны руководство страны взяло курс на наращивание численности войск и ускоренную модернизацию РККА. Ключевым водоразделом, определившим начало быстрого роста численности и перестройку структуры РККА, можно считать весну 1935 г., когда нацистский режим в Германии объявил о выходе из системы Версальского договора и приступил к форсированной милитаризации. К советскому руководству пришло ясное осознание неизбежности большой войны в самом ближайшем будущем [6, с. 370–372].

Уже в марте 1935 г. Политбюро ВКП (б) приняло ряд решений, которые стали «отправным пунктом стремительного пересмотра планов строительства РККА и ее мобилизационного развертывания» [6, с. 377]. С 1935 г. к началу 1938 г. численный состав РККА был увеличен с 930 тыс. чел. до 1 513 тыс. чел., в начале 1939 г. был доведен уже до 1 910 тыс. человек [11, с. 195]. А с 1939 г. по 22 июня 1941 г. двухмиллионная Красная армия выросла еще более чем вдвое [7, с. 358–359, 363].

Становление советского военно-промышленного комплекса обеспечило к середине 1930-х гг. массовое поступление в войска сложной военной техники новейших образцов – танков, самолетов, артиллерийских систем, стрелкового оружия. Как сообщил выступавший 31 августа 1939 г. на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей

Внеочередной IV Сессии Верховного Совета СССР с программной речью нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, за девять лет абсолютная численность РККА и РКМФ выросла втрое [8, ф. 74, оп. 1, д. 163, л. 4]. По отдельным видам вооружений рост был поистине громадным. Например, численность пулеметов возросла в 5,5 раза, самолетов – в 6,5 раза, артиллерии – в 7 раз, мелкокалиберной противотанковой артиллерии – в 70 раз, танков – в 43 раза [8, ф. 74, оп. 1, д. 163, л. 4]!

Уже к 1936 г. совокупная мощь РККА мирного времени существенно превзошла силы, которые еще в конце 1920-х гг. предполагалось разворачивать по мобилизации [6, с. 399]. В 1938–1939 гг. РККА была переведена на экстерриториальную кадровую систему комплектования, при которой личный состав проходил службу вне регионов своего проживания (директива НКО № 33791сс). Этот принцип позволял пополнять воинские части личным составом и создавать группировки войск вне зависимости от плотности населения в той или иной местности, а также сглаживал проблемы, связанные с огромной территорией и слаборазвитой транспортной сетью. Последние предвоенные призывы молодежи в 1938, 1939 и 1940 гг. распределялись экстерриториально.

Одним из важнейших элементов преобразований в РККА во второй половине 1930-х гг. стало совершенствование призывного законодательства, направленного на расширение запаса обученного резерва. Произошел переход к действительно всеобщему призыву граждан на срочную военную службу. На основе положений новой Конституции 1936 г. был разработан и 1 сентября 1939 г. принят Верховным Советом СССР новый закон об обязательной военной службе, снявший все социально-классовые ограничения для военной службы граждан СССР. Отныне «все мужчины-граждане СССР без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать воинскую службу в составе Вооруженных Сил СССР».

Новым законом был снижен призывной возраст – до 18 лет для лиц, окончивших среднюю школу, и до 19 лет для всех остальных по состоянию на год призыва. За счет этого

образовывался дополнительный годовой контингент молодежи на случай войны. Сразу на десять лет продлевалось и состояние в запасе, что увеличивало мобилизационные ресурсы на десять возрастов. Также закон предусматривал значительное сокращение льготных категорий и в целом был нацелен на максимально полное выявление и пропуск через срочную кадровую службу мужского населения страны. С этой же целью 10 июля 1940 г. был объявлен переучет всех военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава запаса. Одновременно проводился переучет граждан в возрасте от 19 до 50 лет из числа национальностей, ранее не состоявших на воинском учете [10, с. 155]. Фактически для большинства представителей данной категории это мероприятие означало первичную постановку на воинский учет.

Во второй половине 1930-х гг. была проведена коренная реорганизация местных органов военного управления. В 1938 г. вместо прежних корпусных и дивизионных мобокругов, которые руководили районными военкоматами, были созданы совпадающие с административно-территориальным делением военкоматы в автономных республиках, краях и областях, а сеть подчиненных им районных военкоматов была расширена в 3,5 раза. Областные и краевые военкоматы подчинялись непосредственно военным округам. Эта мера значительно улучшила систему учета военнообязанных, призыва и условия мобилизации [8, ф. 74, оп. 1, д. 163, л. 9]. Была существенно улучшена организационно-штатная структура военкоматов и увеличено число работников. Каждому военкомату, в том числе районному, была выделена легковая автомашина [9, ф. 4, оп. 14, д. 1840, л. 239–243]. Была усовершенствована система учета военнообязанных – вместо учета на предприятиях, нередко создававшего путаницу при смене предприятия лицами призывного возраста, введена система учета по признаку места жительства. В сельской местности учет военнообязанных был возложен на сельские советы, а в городах – на органы милиции.

В организационном отношении призывные мероприятия конца 1930-х гг. представляли собой сложную кооперацию целого ряда структур: партийно-советских органов (организационная и агитационно-разъяснительная работа,

организация лечения и обучения допризывников), общественных оборонных организаций (подготовка оборонных значкистов), милиции (составление списков допризывников), военкоматов (постановка на учет, ведение учета, изучение допризывников и призыв). В то же время распыление усилий между различными органами порой порождало проволочки и безответственность. На период проведения призыва в августе формировалась призывная комиссия в составе председателя (райвоенкома) и членов – начальников райотделов НКВД и милиции, зампредела РИКа, врачи – терапевт и хирург. Призыв надлежало проводить как всенародный праздник, а местная пресса обязывалась всесторонне пропагандировать и освещать ход и результаты призыва [9, ф. 4, оп. 14, д. 1840, л. 239–243].

Северо-Кавказский военный округ в предвоенные годы охватывал огромную территорию Юга России, включая в себя Дагестанскую, Чечено-Ингушскую, Северо-Осетинскую, Кабардино-Балкарскую, Калмыцкую АССР, Орджоникидзевский (Ставропольский), Краснодарский края, Ростовскую и Сталинградскую (Волгоградскую) области. Последние призывы накануне войны в этом регионе, организованные по новому законодательству, то есть массовые призывы, дают интересный срез социально-демографических характеристик советской молодежи. Наиболее массовым и статистически репрезентативным стал призыв в ряды РККА, РККФ и войска НКВД, проведенный с 15 сентября по 15 октября 1939 года. Он подобрал в себя не только призывников 1919 года рождения, но и второй половины 1918 года рождения, не призванных в прошлом году до снижения призывного воз-

раста, а также лиц старших возрастов, по разным причинам не призванных ранее (таковых оказалось около 40 % от числа лиц, подлежащих призыву). К тому же этот призыв практически совпал с Всесоюзной переписью населения, что дает исследователю дополнительные возможности изучения людских ресурсов региона накануне войны. В числе прочих впервые массовому призыву подлежала молодежь местных национальностей из автономных республик и областей Северного Кавказа.

Следует отметить, что последние предвоенные призывы пришлись на период «демографической ямы», когда в активную социальную жизнь вступали малочисленные поколения, рожденные в период Первой мировой и Гражданской войн. В целом по численности они на 15–20 % уступали старшим и младшим возрастным когортам. По расчетным данным А.Я. Боярского, резкое замедление прироста населения (соотношение рожденных к умершим на 1 000 чел.) пришлось на 1915–1916 годы. А в период с 1917 по 1920 г. прирост и вовсе был отрицательным, причем своего минимума он достиг в 1919 г. (минус 15,0) [2, с. 226]. Очевидно, этим обстоятельством и была вызвана необходимость максимально возможного призыва людских ресурсов, в том числе и тех, которые ранее не использовались – старших возрастов и нерусских национальностей. По данным Всесоюзной переписи, численность мужского населения 18–19-летнего возраста восьми регионов, входивших в состав СКВО по состоянию на начало 1939 г., составляла 163,3 тыс. чел. (раскладку по регионам и возрастам см. в таблице 1) [5].

Сразу после приписки допризывников к призывным участкам (приписка обычно проходила в зимние месяцы после окончания меро-

Таблица 1

Раскладка призывников по регионам и возрастам

Регион	Мужчин 18-летних	Мужчин 19-летних
Сталинградская область	13 572	12 282
Краснодарский край	22 464	17 227
Ростовская область	19 725	15 776
Орджоникидзевский край	16 274	9 568
Кабардино-Балкарская АССР	2 742	1 981
Северо-Осетинская АССР	3 315	2 279
Чечено-Ингушская АССР	6 049	3 863
Дагестанская АССР	7 766	5 663
Калмыцкая АССР	1 649	1 073
<i>Всего</i>	93 556	69 712

рий очередной призыва) было развернуто изучение призывного контингента путем сбора характеристик, отзывов и других документов с мест учебы или работы, от партийных и комсомольских организаций, а также непосредственным обходом домашних адресов, производств и мест обучения и личных бесед сотрудников военкоматов с призывником. В целях полного охвата всех допризывников военкоматами были проведены однодневные поверочные сборы в феврале, мае и августе 1939 года.

Довоенные призывы сопровождались массовыми пропагандистскими и разъяснительными кампаниями, в которые было втянуто максимальное количество молодежи. Так, только в Ростовской области за год, предшествовавший призыву 1939 г., было проведено 2 521 политзанятие, 3 479 политинформаций, 406 лекций, 3 402 беседы, 442 митинга [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 92]. Допризывным мероприятиям придавался соревновательный дух. Например, Ростовская область соревновалась со Сталинградской, Краснодарский край – с Орджоникидзевским, Кабардино-Балкария – с Северной Осетией.

В период приписки осуществлялось выявление неграмотных и малограмотных допризывников. Все они в обязательном порядке подлежали обучению. До мая 1939 г. обучение шло без отрыва от производства, однако из-за малой эффективности такой формы обучения (многие допризывники были разбросаны по отдаленным селам и аулам) оно стало вестись с отрывом от производства (кроме городов).

Результаты обучения неграмотных и малограмотных допризывников представлены в таблице 2 [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 88].

Еще один важнейший процесс, который был связан с припиской, – выявление и последующее обязательное лечение призывников, нуждающихся в этом, в соответствующих лечебных учреждениях. В целях полного выявления больных призывников и охвата их лечением было проведено от двух до четырех повторных медицинских освидетельствований. В городах и ряде районов значительное количество призывников было пропущено через рентген-кабинеты. Значительное количество призывников было отправлено в санатории. Результаты лечебных мероприятий представлены в таблице 3 [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 89].

Таблица 2

Результаты обучения неграмотных и малограмотных призывников

Военкоматы	Года рождения	Учтено неграмотных	Учтено малограмотных	Обучено неграмотных	Обучено малограмотных
Сталинградский ОВК	1919/	1 180	4 195	1 143	3 748
	1918	1 079	5 739	917	4 163
Краснодарский КВК	1919/	684	4 665	642	3 680
	1918	319	3 098	626	4 546
Ростовский ОВК	1918/1919	538	5 734	692	5 340
Орджоникидзевский КВК	1918/1919	1238	5 260	1 135	4 168
ВК Северо-Осетинской АССР	1918/1919	90	324	96 %	77 %
ВК Чечено-Ингушской АССР	1918/1919	1 474	1 806	1 210	776
ВК Дагестанской АССР	1918/1919	Нет данных	Нет данных	519	1 154
ВК Калмыцкой АССР	1918/1919	216	512	200	538

Таблица 3

Результаты лечебных мероприятий, проведенных в отношении призывников

Военкоматы	Всего больных	Сколько было вылечено	Количество оперированных	Сколько явилось на призыв невылеченными
Сталинградский ОВК	3 325	Нет данных	428	289
Краснодарский КВК	6 320	6 008	678	312
Ростовский ОВК	3 344	3 073	–	271
Орджоникидзевский КВК	2 464	2 141	299	323
ВК Кабардино-Балкарской АССР	428	428	–	–
ВК Северо-Осетинской АССР	610	83,5 %	–	16,5 %
ВК Чечено-Ингушской АССР	431	309	–	122
ВК Дагестанской АССР	620	383	–	237
ВК Калмыцкой АССР	315	192	–	186

Допризывники, оставшиеся невылеченными, относились к лицам, занимавшимся отходническими промыслами, морякам, рыбакам, которые лечились нерегулярно. Невылеченными также остались допризывники, имевшие тяжелые и хронические заболевания (болезни сердца, ушей, глаз, венерические заболевания и проч.). Кроме того, резко не хватало врачей-специалистов, из-за чего одного врача часто приходилось командировать в тот или иной район на несколько месяцев. Например, один из хирургов за два месяца сделал в г. Новороссийске 55 операций. В целом результат был достигнут хороший. Например, 12 районов Сталинградской области уже к 1 августа 1939 г. не имели ни одного невылеченного допризывника.

Еще один важнейший элемент допризывной подготовки – обучение допризывной молодежи основам военной подготовки (так называемых значкистов), что обеспечивало быструю и гармоничную адаптацию призывника в рядах РККА. Результаты этой работы накануне призыва 1939 г. представлены в таблице 4 [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 93].

Целый ряд районных и городских военкоматов сумели достичь очень высоких показателей в подготовке значкистов, лечении и обучении нуждающихся. Например, по Спицевскому РВК Орджоникидзевского края оборонные значки по каждой из четырех дисциплин имели от 78 до 95 % допризывников, лечением и обучением было охвачено 100 % нуждающихся. В числе передовых также были военкоматы Шахтинского района Ростовской области, Кагановического района (ныне – Западный административный округ) г. Краснодара, Минераловодского района Ор-

джоникидзевского края и др. [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 93].

Среди отрицательных моментов, связанных с призывом, отмечалась высокая текучесть допризывников, что серьезно затрудняло их учет и последующий призыв. Например, по Сталинградской области на 1 января 1939 г. числилось 16 892 чел., на 1 мая – 21 173 чел., а на 1 сентября – 18 773 человек [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 84]. Текучесть людских ресурсов, достигавшая 25 %, объяснялась прежде всего высокой мобильностью рабочей силы: молодежь активно вербовалась на работу в Донбасс, на Дальний Восток, на рыбные промыслы. Подобная картина наблюдалась и по другим регионам, причем в национальных это было связано еще и с изменениями национального баланса. Например, республиканский военкомат ЧИАССР в течение первого полугодия 1939 г. зафиксировал рост численности призывников русской национальности сразу на 28 %. Это было связано с притоком молодежи в г. Грозный, являвшийся крупным центром нефтяной промышленности [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 84]. Военкоматы далеко не всегда оперативно реагировали на текучесть допризывников и не успевали ставить их на учет.

В 1939 г. неожиданно выявилась еще одна «болезнь роста», связанная с переходом к *поголовной* постановке на учет призывников и военнообязанных: уже в ходе приписки к призывным участкам или самих призывов выявлялось значительное количество неучтенных людских ресурсов. Этим объясняются парадоксальные, на первый взгляд, данные, приведенные в постановлении бюро Дагестанского обкома ВКП (б) «Об итогах призыва в

Таблица 4

Результаты обучения призывников основам военной подготовки

Военкоматы	Ворошиловский стрелок	ГТО	ПВХО	ГСО
Сталинградский ОВК	36,1	28,4	48,8	33,8
Краснодарский КВК	28,8	30,0	36,6	31,2
Ростовский ОВК	31,7	33,6	35,3	29,2
Орджоникидзевский КВК	32,5	29,0	41,8	35,7
ВК Кабардино-Балкарской АССР	37,9	33,5	43,9	44,5
ВК Северо-Осетинской АССР	37,2	30,5	38,9	32,6
ВК Чечено-Ингушской АССР	19,1	21,0	19,1	19,8
ВК Дагестанской АССР	16,1	16,6	14,6	12,6
ВК Калмыцкой АССР	29,2	17,4	28,1	19,6

РККА 1939 года и развертывании подготовительных работ к призыву в 1940 году» от 25 октября 1939 года. В нем, в частности, отмечалось, что наряд на призыв был выполнен сразу на 159 %. А в целом по СКВО на призывные пункты явилось до 10 тыс. чел. больше, чем подлежало явке [9, ф. 25896, оп. 9, д. 24, л. 187].

Столь высокие показатели были достигнуты за счет того, что в предыдущие годы вне учета оставалось значительное количество допризывников и особенно лиц старших возрастов (военнообязанных). Следует отметить, что численность приписанных менялась во всех регионах, входивших в состав СКВО, в том числе Краснодарском, Орджоникидзевском краях, Сталинградской области. Однако резкий рост наблюдался только в национальных автономиях, и объяснялось это несовершенством, а местами – и зачаточным состоянием здесь не только военного, но и гражданского учета.

В феврале-марте 1939 г. в ходе приписной кампании призывников 1920, 1921 и частично 1922 годов рождения, а также военнообязанных старших возрастов, не проходивших приписку ранее, практически во всех райвоенкоматах Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии было выявлено большое количество граждан, прежде не состоявших на воинском учете. Например, по ингушскому с. Ангушт по списку должны были явиться 10 человек, а пришло 14; по кабардинскому с. Прималкинское по списку числилось 12 человек, а явилось 32; по другому кабардинскому с. Алтуд числилось 20 человек, а явилось 32. «Сколько таких призывников, не охваченных припиской, никто сейчас сказать не может», – делал вывод заместитель начальника политического управления СКВО батальонный комиссар Коробченко [9, ф. 25896, оп. 9, д. 186, л. 186].

«Безобразное состояние учета и содержания подворных книг» было на руку желающим уклониться от службы [9, ф. 25896, оп. 9, д. 186, л. 239]. Так, в Чечне значительная часть граждан призывного возраста совершенно была не учтена. Например, в с. Новые Атаги в 1939 г. по книгам значился 1 человек 1921 года рождения, а после проверки было выявлено 32 человека. И это, по словам проверяющих из политуправления округа, «только незначительная часть не состоявших на

учете. Их значительно больше» [9, ф. 25896, оп. 9, д. 186, л. 239]. В подворных книгах допускались произвольные исправления годов рождения. Важно, что благодаря круговой поруке и семейственности фактически никто ни разу не привлекался к ответственности.

Сложившаяся ситуация с воинским учетом была производной от общего неудовлетворительного учета естественного движения населения, которое хотя и налаживалось за годы советской власти (в частности, от дела было отстранено мусульманское духовенство), однако в целом находилось еще в неудовлетворительном состоянии. Еще в 1940 г. среди причин издержек приписной кампании в горских регионах указывалось на то, что «до последних лет народности Кавказа не имели регистрации года рождения» [9, ф. 25896, оп. 9, д. 186, л. 185].

Общие итоги призыва 1939 г. по СКВО выражались в следующих показателях: на участки явилось 162 608 чел., из которых 87,9 % были признаны годными к строевой службе, а 134 052 чел. в итоге были зачислены в кадровые части (из них граждан 1919 года рождения – 52 394 чел., граждан второй половины 1918 года рождения – 36 866 чел. и граждан старших возрастов – 44 792 чел.) [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 71–73]. Среди зачисленных в воинские части имелось 4 112 членов ВКП (б) и 63 418 членов ВЛКСМ; 41 717 рабочих, 66 675 колхозников, 343 единоличника, 26 965 служащих и 9 352 представителя прочих социальных групп [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 17 об. – 18]. 1 824 призывника имели высшее образование, 18 540 чел. – среднее, 25 780 чел. – незаконченное среднее (7–9 классов), 67 539 чел. – начальное (4–6 классов), 19 232 чел. были малограмотными и 1 153 чел. – неграмотными. 30 187 чел. прошли допризывную подготовку, 40 850 чел. прошли подготовку по программе «Ворошиловский стрелок», и большинство являлись значкистами ГТО, ПХВО или ГСО. 12 848 призывников являлись стахановцами на своих предприятиях [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 72 об. – 73].

По национальному составу зачисленные в кадровые части призывники распределились следующим образом: русских – 99 218, украинцев – 5 442, белорусов – 528, татар – 957,

евреев – 569, армян – 1 634, грузин – 198, тюрк (азербайджанцев) – 351, немцев – 1 662, поляков – 124, казахов – 1 065, калмыков – 1 699, осетин – 2 741, представителей народов Дагестана – 8 011, кабардинцев и карачаевцев (так в документе. – *А. Б.*) – 3 851, чеченцев – 3 146, ингушей – 658, представителей других народов – 2 594 [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 72 об – 73].

Наиболее подготовленная в образовательном, физическом и морально-политическом отношении молодежь направлялась в военные училища. Таковых среди русских оказалось 1 358, украинцев – 65, татар – 5, евреев – 11, армян – 10, грузин – 1, осетин – 61, представителей народов Дагестана – 152, карачаевцев и кабардинцев – 11, чеченцев – 26 [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 72 об – 73]. Нетрудно подсчитать, что из русской молодежи в военные училища было отобрано 4,9 % призывников, среди украинцев – 5,0 %, в то время как из осетинской молодежи – 3,4 %, дагестанской – 2,7 %, чеченской – лишь 1,4 %. Виной тому – общий низкий уровень образования представителей горских народов относительно славян.

Следует отметить, что в предвоенные годы значительная часть призывной молодежи состояла в комсомоле (36,2 %, по данным на 1941 г.), имела значки ГТО, ПХВО, ГСО, ворошиловского стрелка (около 20 %) [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 72 об – 73]. 83,4 % призывников при проведении приписки в январе 1941 г. были признаны годными к строевой службе [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 46].

Можно сказать, что в последние предвоенные призывы в армию поступила воспитанная в советском духе «сталинская» молодежь. Начальник политуправления Северо-Кавказского военного округа в донесении в Главное политуправление РККА с удовлетворением отмечал: «Рост материального благосостояния советского народа из года в год улучшает призывной состав. На призывные пункты пришла в основном здоровая, грамотная, политически развитая молодежь, до конца преданная партии, правительству и вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину» [12, ф. 144, оп. 13199, д. 13, л. 151]. Достаточно сказать, что только стахановцев среди призывников 1939 г. оказалось 13 015 человек [9, ф. 37837, оп. 24, д. 166, л. 96].

Особый интерес вызывают социально-демографические характеристики горских контингентов допризывников и военнообязанных, которые прежде призывались в войска лишь в ограниченном количестве для укомплектования одной национальной части. Итоги первого полноценного призыва горцев показали его своевременность, поскольку местная молодежь достигла достаточно высокого общеобразовательного уровня и находилась в хорошем физическом состоянии (87 % годности при средней по стране 84 %). Положительно сказались широкая разъяснительная и пропагандистская работа, направленная на позитивное восприятие призывниками военной службы и ощущение ее личной и общественной полезности.

При том, что в предвоенные годы военным и партийно-советским органам в целом удалось наладить учет и призыв населения в ряды РККА, оставалось немало проблем, вызванных, несмотря на огромный рывок вперед за годы советской власти, сохранявшейся общей социальной и экономической отсталостью региона, глубокими культурными различиями с российскими регионами. Решить эти вопросы к началу Великой Отечественной войны до конца не удалось. Одной из главных проблем было отставание уровня грамотности и образования горцев от общесоюзного, а также недостаточное владение населением русским языком. Хотя отметим, что в целом горцы добились несомненного прогресса, если сравнить их культурно-образовательный уровень с дореволюционной Россией, когда многие народы Северного Кавказа даже не имели своей письменности. Показатели грамотности и образованности у различных горских народов были очень неравномерными. Согласно данным Всесоюзной переписи 1939 г., по уровню грамотности в лучшую сторону выделялись осетины (90 % мужского населения в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными) и некоторые крупные народы Дагестана – лакцы и аварцы (92,6 и 90,5 % соответственно). У прочих народов Северного Кавказа уровень грамотности мужского населения достигал 80–85 %, у чеченцев и ингушей он составлял лишь 68–70 %. Аналогичный показатель у славянского населения СССР к 1939 г. приближался к 100 %. Похожим было

распределение лиц со средним и высшим образованием. Если на 1 000 русских таковых приходилось 76,8 и 5,8 соответственно, то у осетин эти показатели превосходили аналогичные цифры у русских – 99,1 чел. из 1 000 имели среднее образование и 9,3 – высшее [3, с. 40–51, 118–156]. В то же время аналогичные показатели для 1 000 адыгейцев и черкесов составляли 53,9 и 2,1, карачаевцев – 31,2 и 1,1, кабардинцев – 29,8 и 1,0, дагестанцев – 20,8 и 0,9, чеченцев – 8,1 и 0,3 и т. д.

Что касается только *призывной молодежи* предвоенных лет (1940–1941 гг.), то здесь уровень образования в среднем по СССР был значительно выше. 11,2 % призывников 1941 г. (1922 года рождения) являлись студентами вузов, 25,8 % имели среднее и незаконченное среднее образование, 45,9 % имели образование 4–7 классов и только 14,9 % и 2,2 % соответственно числились малограмотными и неграмотными [8, ф. 17, оп. 121, д. 98, л. 47]. Аналогичными были цифры 1940 года [8, ф. 17, оп. 121, д. 98, л. 47]. Число малограмотных и неграмотных было заметно выше в национальных республиках, особенно в Чечено-Ингушетии – 20,8 % неграмотных и малограмотных [8, ф. 17, оп. 121, д. 98, л. 47].

По сравнению с горской молодежью, физическая и военная подготовка, а также образовательный уровень основной массы *военнообязанных*, то есть взрослого мужского населения Северного Кавказа, были ниже. Именно эта категория являлась главным ресурсом на случай массовой мобилизации при объявлении военного положения. Это объяснялось тем, что жизнь сельского, особенно высокогорного взрослого населения Северного Кавказа лишь в незначительной степени была затронута советской культурной революцией и оставалась по сути своей патриархальной. Армейская реформа конца 1930-х гг. также почти не коснулась больших масс военнообязанных. Под всеобщий призыв, впервые объявленный в 1938 г., они не попадали. Занимавший в те годы должность председателя СНК ДАССР А.Д. Даниялов вспоминал: «К 1941 г. взрослое население гор мало владело русским языком. Исторически сложившийся уклад жизни, когда горцы без крайней нужды не выходили дальше своего аула, в лучшем случае района, являлся громадной трудностью при мобилизации гор-

цев в действующую армию... Беда состояла в том, что кроме тех, кто прошел службу в армии до войны, горцы не умели обращаться даже с винтовкой. Что касается автомата, пулемета, миномета или гранаты, то они их просто не видели» [4, с. 233].

Особенно пагубными последствиями в годы Великой Отечественной войны обернулось недостаточное внимание к обучению призывников русскому языку и ликвидации безграмотности и малограмотности. Языковая проблема в военной документации довоенной поры не занимает сколько-нибудь значительного места. Относительно небольшие масштабы призывов мирного времени, позволявших отбирать в армию лучшую молодежь, и длительные сроки службы красноармейцев-горцев не оставляли для ее возникновения серьезной почвы. В предвоенные годы республиканские военкоматы не вели статистики владения русским языком контингентами военнообязанных и призывников. Требование хорошего владения русским языком было обязательным для приписного состава, но в таких людях испытывался дефицит. Он покрывался военнообязанными, понимавшими русскую разговорную речь. Эта категория оценивалась тогда не более чем в 25–30 % чел. от всего состава [12, ф. 209, оп. 1091, д. 4, л. 250].

До конца 1930-х гг. государственная политика в области изучения русского языка была непоследовательной. В 1920-е гг. в рамках политики коренизации приоритет в национальных школах, безусловно, отдавался родному языку, а русский изучался как второй или даже как третий (иностранский) язык, а где-то не изучался вовсе. Кадров преподавателей русского языка для национальных школ не готовились. В связи с этим качество обучения было низким. Как отдельный предмет в нерусских школах русский язык был введен лишь в 1934 году. В октябре 1937 г. на Пленуме ЦК И.В. Сталин поставил вопрос об обязательном изучении русского языка в национальной школе. Причем необходимость этого Сталин напрямую связал с намечаемым массовым призывом нерусских национальностей на военную службу [1, с. 312]. 13 марта 1938 г. вышло программное совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР об обязательном изучении русского языка в национальных

школах [8 ф. 17, оп. 3, д. 997, л. 103–107]. Однако даже после этого ожидаемого прорыва в освоении русского языка в национальных и автономных республиках не произошло. Образовательный процесс оказался слишком громоздок и дорогостоящ для столь резких поворотов. Нехватка кадров учителей, единых программ и учебных пособий, учебников на десятках языков народов СССР – все это, несмотря на мощный административный нажим Наркомпроса, на многие годы затормозило реальное выполнение постановления от 13 марта 1938 года. Еще в сентябре 1940 г. Наркомпрос констатировал, что издание учебников провалено, а преподавание русского языка во многих школах даже не началось из-за нехватки учителей. Квалификация самих учителей из числа «националов» вследствие отсутствия методической поддержки оставалась крайне низкой [1, с. 320–321].

Местные гражданские и военные власти обязаны были брать на учет всех малограмотных, неграмотных и не владевших русским языком призывников, с тем чтобы обеспечить их обязательное обучение до начала призыва. Однако по самым различным причинам объективного и субъективного характера (нехватка преподавателей и учебных пособий, срывы занятий из-за сельскохозяйственных работ, уклонение от занятий и проч.) обучению уделялось остаточное внимание; должного контроля над его ходом не было. Так, в Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР обучением грамоте и русскому языку было охвачено не более 15–18 % от общего числа подлежащих учебе [9, ф. 25896, оп. 9, д. 24, л. 62].

Непосредственно накануне войны по настоянию наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко правительство пыталось наладить обучение русскому языку непосредственно в войсках. В связи с этим в июле 1940 г. ЦК ВКП (б) издало еще одно постановление об обучении военнослужащих нерусских национальностей русскому языку. Во исполнение постановления многих учителей русского языка перебросили из школ на спецкурсы для новобранцев [1, с. 321].

Перечисленные проблемы в экстремальных условиях войны стали причиной серьезных издержек в процессе формирования соединений и маршевых пополнений личным

составом требуемых возрастов и квалификации и в конечном итоге сказывались на боеспособности соединений, формировавшихся на Северном Кавказе, а также масштабах понесенных потерь [12, ф. 209, оп. 1091, д. 4, л. 247–260]. Качественные характеристики пополнения, поступавшего из военкоматов северокавказских автономий, обусловили позднее неоднократный пересмотр принципов комплектования войск национальными кадрами и их использования в бою.

Итак, за двадцать лет существования советской власти военные и гражданские власти сумели сделать огромный рывок в деле организации воинского учета, комплексной допризывной подготовки (ликвидация безграмотности и малограмотности, обучение русскому языку, лечение больных, допризывная военная подготовка и т.д.) и привлечения молодежи к службе в РККА. Был создан задел для быстрого развертывания массовой армии во время Великой Отечественной войны. Более того, в ряды армии стали вливаться представители нерусских национальностей, и в этом отношении советскому руководству удалось то, к чему царский режим не смог поступиться в течение десятилетий после присоединения к России Северного Кавказа. Был пройден большой и сложный путь от пробных призывов нескольких десятков человек до приема в армию десятков тысяч уроженцев горских автономий Северного Кавказа.

Разумеется, все эти достижения едва ли были возможны без кардинального скачка народов СССР в культурно-образовательной и социально-политической сферах, который они совершили за два десятилетия существования советской власти. Однако оставалась и масса недостатков, бытование которых также напрямую следует связать с резким, скачкообразным, нередко неравномерным развитием горских обществ после Октябрьской революции. В годы Великой Отечественной войны этот дисбаланс сыграл отрицательную роль при укомплектовании горцами-резервистами воинских частей РККА.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения науч-

ных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блитстейн, П. Э. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. / П. Э. Блитстейн // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 319–340.
2. Боярский, А. Я. Население и методы его изучения / А. Я. Боярский. – М. : Статистика, 1975. – 264 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги: Россия. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – 208 с.
4. Даниялов, А. Воспоминания / А. Даниялов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1991. – 253 с.
5. Демоскоп : интернет-журн. Ин-та демографии Науч.-исслед. ун-та «Высшая школа экономики». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (дата обращения: 01.11.2015). – Загл. с экрана.
6. Кен, О. В. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) / О. В. Кен. – М. : ОГИ, 2008. – 512 с.
7. Мельтюхов, М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы. Факты. Суждения) / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2000. – 530 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
9. Российский государственный военный архив (РГВА).
10. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). – М. : Терра, 1994. – 467 с.
11. Советские Вооруженные Силы. История строительства. – М. : Воениздат, 1978. – 487 с.
12. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО).

REFERENCES

1. Blitsteyn P.E. Natsionalnoe stroitelstvo ili rusifikatsiya? Obyazatelnoe izuchenie russkogo yazyka v sovetskikh nerusskikh shkolakh, 1938-1953 gg. [National Construction or Russification? Mandatory

Study of the Russian Language in the Non-Russian Soviet Schools, 1938-1953]. *Gosudarstvo natsiy: Imperiya i natsionalnoe stroitelstvo v epokhu Lenina i Stalina* [State of Nations: Empire and National Construction in the Epoch of Lenin and Stalin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 319-340.

2. Boyarskiy A.Ya. *Naselenie i metody ego izucheniya* [Population and the Methods of Its Investigation]. Moscow, Statistika Publ., 1975. 264 p.

3. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 g. Osnovnye itogi: Rossiya* [All-Union Population Census of 1939. Main Results: Russia]. Saint Petersburg, BLITs Publ., 1999. 208 p.

4. Daniyalov A. *Vospominaniya* [Memories]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izd-vo, 1991. 253 p.

5. *Demoskop: internet-zhurnal Instituta demografii Nauchno-issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki"* [Demoscope: Online Magazine of the Institute of Demography of the National Research University "Higher School of Economics"]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (accessed November 1, 2015).

6. Ken O.V. *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh - seredina 1930-kh gg.)* [Mobilization Planning and Political Decisions (End of the 1920s - mid-1930s)]. Moscow, OGI Publ., 2008. 512 p.

7. Meltyukhov M.I. *Upushchenny shans Stalina: Sovetskiy Soyuz i borba za Evropu: 1939-1941 gg. (Dokumenty. Fakty. Suzhdeniya)* [Lost Chance of Stalin's Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941. (Document. Fact. Judgments)]. Moscow, Veche Publ., 2000. 530 p.

8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History].

9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyy arkhiv* [Russian State Military Archive].

10. *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Priказы narodnogo komissara oborony SSSR. 1937-1941 gg. T. 13 (2-1)* [The Russian Archive: The Great Patriotic War: Orders of the People's Commissar of Defence. 1937-1941. Vol. 13 (2-1)]. Moscow, Terra Publ., 1994. 467 p.

11. *Sovetskie Vooruzhennye Sily. Istoriya stroitelstva* [The Soviet Armed Forces. History of Construction]. Moscow, Voениzdat Publ., 1978. 487 p.

12. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony* [The Central Archive of the Ministry of Defense].

HUMAN RESOURCES OF THE NORTH CAUCASUS MILITARY DISTRICT IN THE PRE-WAR PERIOD

Aleksey Yuryevich Bezugolnyy

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Research Institute of Military History,
Military Academy of the General Staff of Armed Forces of the Russian Federation
besu111@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 14, 119330 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the state of the mobilization of human resources of the North-Caucasian military district on the eve of the Great Patriotic War of 1941-1945. The processes of rapid numerical growth of the Red Army in the last pre-war years, and especially the demographic situation in the country. For example, the most complete and mass recruitment of young people was held in the autumn of 1939 and dealt with socio-demographic, national, cultural and linguistic characteristics of recruiting young people of the North Caucasus region, as well as Rostov, Stalingrad (Volgograd) regions and the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic, were part of the North Caucasus Military District. The author characterizes the integrated preinduction training of young people (training of illiterate and semi-literate, treatment, teaching the basics of military training, etc.). The particular attention is paid to the problems of deploying call among the many representatives of the peoples of the North Caucasus (Circassians, Karachay, Kabardin, Balkar, Ossetian, Ingush, Chechens, the peoples of Dagestan), who have never been subject to compulsory military conscription. We analyzed the specific “growing pains” associated deployment of military records and mobilization work in the mountain regions. The article shows the major differences of socio-demographic, cultural and educational characteristics of young people of draft age and older human contingents (reservists) had a negative impact during the Great Patriotic War. It is concluded that for an extremely short period Soviet military and civilian authorities were able to make a huge leap in the organization of military registration, comprehensive pre-conscription training and attracting young people to serve in the Red Army. It laid the basis for the deployment of mass armies during the war.

Key words: Red Army, conscription, North Caucasus Military District, pre-service training, peoples of the North Caucasus.